

Пришедше на Запад...

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ, ПРАВОСЛАВНОЕ БОГОСЛОВИЕ И ПРАВОСЛАВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ПЕРЕД ЛИЦОМ ЗАПАДА

ГДЕ ГРАНИЦЫ ЗАПАДНОГО МИРА?

С принятием христианства самые разные народы, жившие в Европе и Азии, стали формировать общую христианскую цивилизацию. При всей разнице культур и национальных особенностей христианские народы объединяла вера во Христа Распятого и Воскресшего, объединяло стремление к Царству Божию, которое «не от мира сего» (Ин. 18, 36). Так в течение первого тысячелетия христианской эры сформировалась единая христианская цивилизация, в основе которой лежал принцип теоцентризма, то есть первичности религиозных норм жизни по отношению ко всем остальным.

Но уже в эпоху поздней античности в христианском мире наметилась ось противостояния Восток-Запад. Это противостояние, постепенно усиливаясь, наиболее ярко проявилось в разрыве церковного общения в 1054 году и окончательно оформилось в эпоху крестовых походов. С тех пор христианская цивилизация перестала быть единой, она раскололась на западно- и восточно-христианскую. Пути развития этих цивилизаций стали определяться глубокими внутренними противоречиями, которые неоднократно приводили не только к идейной, но и к военной конфронтации.

Западно-христианская цивилизация, утратившая духовное единство со своей восточной сестрой, отошла в своем развитии от четкого следования идее теоцентризма и стала постепенно формировать свою систему ценностей, отличительной чертой которой стал антропоцентризм. Неслучайно первым значительным этапом этой трансформации стала эпоха Возрождения, когда антропоцентрические идеи были сформулированы наиболее четко. Эти идеи продолжали активно развиваться и в Новое время, а в XX веке трансформировались в некую универсальную систему ценностей западного мира.

В последние годы неоднократно делалась попытка представить существующий глубинный раскол внутри некоей единой христианской цивилизации просто как разницу культур, которую можно легко и вполне безболезненно преодолеть усилием доброй воли. Но так может показаться только тому, кто сознательно или неосознанно игнорирует глубочайшие внутренние, духовные противоречия обеих цивилизаций. На наших глазах уже завершается процесс трансформации западно-христианского

мира в новую, постхристианскую цивилизацию, идейной доминантой которой является антропоцентризм.

Признаками этой новой, уже почти сформированной на Западе цивилизации, является целый ряд существенных для западного человека жизненных принципов и установок. Если человек есть мера всех вещей, то, следовательно, хорошо то, что ему удобно и полезно. В этой системе ценностей фактически нет места понятию греха, поскольку «что естественно для человека, то не может быть плохо». На передний план выдвигаются «права и свободы человека». Концентрация всех усилий человека на земном и материальном мире провозглашается как незыблемый принцип жизни.

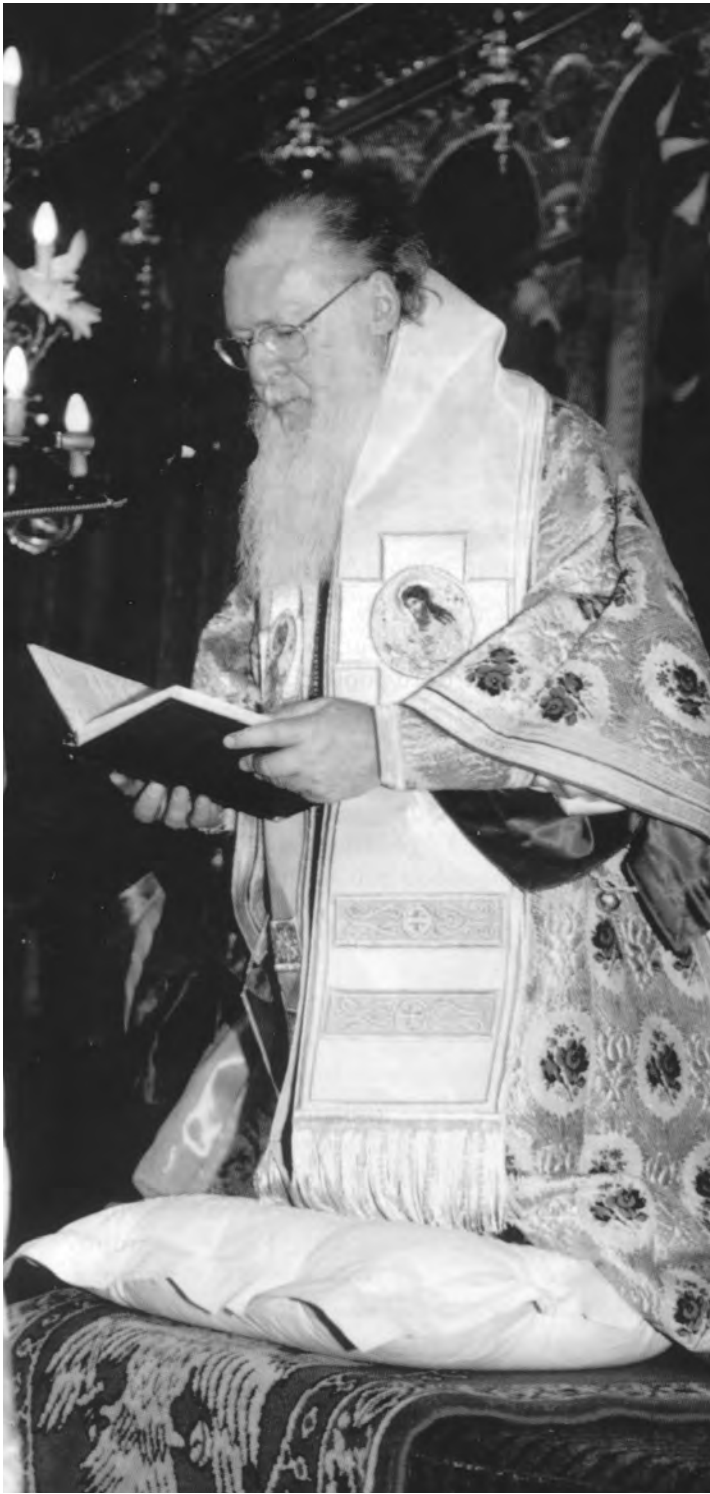
Бог, вера, вечная жизнь — все эти понятия так или иначе отходят на второй план, но это, впрочем, отнюдь не означает, что на Западе полностью отсутствует религиозность. Для Запада характерно религиозное отношение к материальным ценностям, в первую очередь к деньгам, что по сути является одной из форм современного язычества.

В XX веке идеалы и ценности западного мира, опираясь на сверхсовременные средства связи и массовой информации, совершили прорыв на бесконечные пространства Восточной Европы и Азии, подчиняя себе на своем пути страны и целые континенты, поражая, как сильнейший вирус, населяющие эти пространства народы, оказавшиеся совершенно духовно не защищенными и неготовыми противостоять этой идейной агрессии. Именно идеалы западного мира стали тем фундаментом, который положен в основу процесса глобализации, и экономическая сторона этого процесса, на наш взгляд, отнюдь не первична.

Границы западного мира, в пределах которого распространяется новая, постхристианская цивилизация, сложно обозначить — они не совпадают с политическими границами. Подлинная граница, отделяющая восточно-христианскую, теоцентричную цивилизацию от западной — постхристианской и антропоцентричной, проходит в сердцах людей.

ЗАПАДНОЕ ПРАВОСЛАВИЕ ВОСТОЧНОЙ ЦЕРКВИ

Традиционно принято считать, что когда мы говорим о христианстве на Западе, то подразумеваем католичество или протестантизм. И хотя эти две конфессии остаются

Константинопольский Патриарх Варфоломей

ся главными и доминирующими в западных странах, к началу XXI века общая картина христианства на Западе без православия была бы уже далеко не полной. Так, например, в Германии, одной из крупнейших европейских стран, православие занимает третье место по количеству верующих после протестантизма и католичества. Во многих федеральных землях православие пользуется правами фактически государственной религии. Это выражается, например, в том, что родители, желающие, чтобы их де-

тям в школе преподавался Закон Божий православным педагогом, имеют право требовать этого от школьного руководства, которое, в свою очередь, должно найти такого педагога и предоставить ему соответствующую плату. Об этом благочестивые родители в традиционно православной России могут только мечтать.

На Западе существует очень сильный и устойчивый интерес к нашей «восточной» цивилизации и ее ценностям, и там есть свое малое стадо несогласных с западной идеологией и протестующих против нее. И главной связующей нитью, основой для взаимопонимания здесь служит православие, к которому многие западные люди испытывают неподдельный интерес. Поэтому православным не нужно уклоняться от свидетельства дезориентированному и запутавшемуся в лабиринтах лжеименного разума западному миру, изнемогающему от недостатка подлинных духовных ценностей. Совершенно очевидно, что для этого свидетельства необходимо владеть его инструментом, то есть языком. Может быть, по крайней мере эти соображения помогут студентам, постоянно задающимся вопросом, зачем учить иностранные языки, найти ответ на этот вопрос.

Успех православной миссии на Западе, в первую очередь, зависит от самих православных христиан, то есть от того, насколько они сами будут последовательны в соблюдении принципа универсальности христианства, выраженного апостолом Павлом в словах: «нет ни еллина, ни иудея» (Кол. 3, 11).

К сожалению, с соблюдением этого принципа дела обстоят не так просто. Во-первых, далеко не каждый потенциальный носитель православия, будь то грек, русский или серб, оказывается в реальности таковым. Как правило, каждая православная община на Западе национально (не путать с националистически) ориентирована, что выражается в соответствующей юрисдикционной принадлежности. «Просто православных» приходов нет — есть греческие, румынские, русские и так далее. Попытки создания интернациональных приходов удаются плохо.

Но тем не менее, несмотря на все сложности внутри-православных отношений, сегодня можно со всей определенностью говорить о феномене так называемого *западного православия*, который имеет свои особенности. Сразу оговоримся, что западное православие и православие в странах Запада — это не всегда одно и то же, хотя, безусловно, сам феномен возник именно там. Носителями западного православия являются не столько даже те люди, которые постоянно живут на Западе, сколько те, кто пытается проецировать западные ценности, как бы невзначай называемые также общечеловеческими, на православное сознание.

На православных приходах, находящихся на Западе, достаточно сильны принципы общинной жизни. Поскольку, как правило, приходы небольшие, то священник почти всех своих прихожан знает лично, и это бесспорный плюс. В то же самое время естественным следствием малочисленности приходов является то, что все священнослужители должны где-либо работать, то есть они не могут все свое время посвящать пастырской деятельности. Подчас священник не то что не может рассчитывать

на какую-либо материальную поддержку со стороны прихода, но и сам должен поддерживать его из своих средств. А это уже настоящий подвиг. Когда узнаешь о том, что священник пять дней в неделю работает медбратом в больнице, по субботам посещает заключенных, а по воскресеньям совершает литургию в храме, оборудованном на собственные средства, то это невольно вызывает восхищение.

Треб, которые традиционно являются основным источником дохода приходского духовенства, очень мало. Опять-таки, помимо всех очевидных минусов, в этом есть и свои плюсы: каждое крещение, венчание или отпевание становится событием в жизни прихода, о котором все прихожане оповещаются заранее и соответственно к нему готовятся.

На внутреннем устройстве Церкви, естественно, отражаются особенности социально-политической жизни того общества, в котором она осуществляет свое служение. Так, принципы свободы и демократии, провозглашаемые в странах Запада как основополагающие, в значительной степени влияют и на структуру церковного управления. В силу этого положение архиереев, совершающих свое служение в странах Запада, достаточно сильно отличается от положения их собратьев из традиционно православных стран. Поскольку, как уже говорилось выше, почти каждый священник имеет какой-либо постоянный источник дохода и часто финансово совершенно независим от своего прихода, то ресурс административной власти архиерея над священнослужителем значительно снижается. В этой ситуации канонические прещения со стороны архиерея имеют, конечно, гораздо меньшую степень воздействия на провинившихся священнослужителей. Дефицит священников — это еще одна проблема, с которой сталкивается почти каждый архиерей на Западе, к какой бы юрисдикции он ни принадлежал.

В достаточно печальном положении находится и монашество, монастыри можно пересчитать по пальцам, и братия там, чаще всего, очень немногочисленна. Монашество, как правило, принимают кандидаты в архиереи, хотя достаточно распространено и такое явление как

приходское монашество. Исключение составляют немногие монастыри, основанные на Западе выходцами с Афона и сохраняющие традиции строгой аскетической жизни Святой Горы, но это уже, строго говоря, явление не западного, а восточного православия.

Говоря об особенностях западного православия, нельзя обойти молчанием тот факт, что идеологическое и духовное противостояние, которое лежало в основе разделений между Западом и Востоком в прошедшем тысячелетии, остается вполне реальным и в наши дни и накладывает свой отпечаток на сознание православных христиан, сформировавших свое мировоззрение под влиянием западной идеологии.

Здесь прослеживается вполне определенная тенденция: потомки традиционно православных народов, особенно живущие на Западе уже не в первом поколении, постепенно и вполне естественно становятся по образу своего мышления западными людьми. Последствия этого процесса вестернизации могут уже в самое ближайшее время преподнести неожиданные и не очень приятные сюрпризы. Приведем один небольшой, но исключительно важный для нас пример.

Речь идет о женском священстве. В нашей Церкви вопрос о введении женского священства (пока еще) просто не ставится, хотя в некоторых радикально настроенных либеральных общинах, ратующих за серьезные изменения в богослужебной и приходской жизни, он уже активно обсуждается. На Западе, в православной среде, эта полемика ведется уже давно.

Современное западное сознание не выдерживает натиска рационализма: на первый взгляд стройная и даже безупречная научно-богословская аргументация, усиленная феминистической риторикой, действует на многих завораживающе. Даже некоторые видные, авторитетные иерархи если пока еще не высказались открыто за введение женского священства, то, по крайней мере, выступают за то, чтобы вынести эту проблему на всеобщее обсуждение. Как говорится в таких случаях, «процесс пошел». И, к сожалению, можно высказать самые серьезные опасения, что уже в скором времени вопрос о введении женского священства может решиться, и решиться именно в положительном смысле. Если это произойдет, то женское священство будет являться прямой угрозой очередного раскола внутри православия. Западное православие, несмотря на множество положительных признаков, потенциально заключает в себе немалую угрозу православному единству.

ВТОРОЙ РИМ ПРОТИВ ТРЕТЬЕГО?

В XX веке была сформулирована теория юрисдикционного примата Константинопольского Патриархата над всей православной диаспорой, то есть над приходами и монастырями, находящимися за пределами традиционно православных стран. Если учесть, что непосредственная паства Константинопольского Патриарха составляет всего несколько десятков тысяч человек — греков, проживающих в Турции, то особый интерес и внимание Константинополя к православной диаспоре, живущей в странах

Здание Вселенской Патриархии в Стамбуле

Женщина-священник Чехословацкой Гуситской Церкви совершает богослужение в Праге

Запада, становится вполне понятным. Константинополь в своей политике опирается на многочисленную, достаточно богатую и влиятельную греческую диаспору, рассеянную в странах Западной Европы и США.

Но проблема здесь заключается в том, что православная диаспора на Западе состоит далеко не из одних греков. Это особенно остро чувствуется, когда речь заходит о так называемых спорных территориях. Одно из самых серьезных столкновений на этой почве между двумя центрами Православия произошло в 1970 году по причине дарования Русской Церковью автокефалии Американской Церкви. В основу предоставления этой автокефалии была положена идея создания единой Православной Церкви в Америке, которая бы состояла из епархий, монастырей и приходов, принадлежавших ранее разным юрисдикциям. Как известно, Американская Церковь до сих пор официально не признана Константинополем, и этот факт продолжает омрачать и без того непростые отношения между Новым и Третьим Римом.

А отношения эти в последние годы уже не раз заходили в тупик. Яркий тому пример — церковный кризис в Эстонии, который привел в 1996 году даже к временному разрыву канонического общения. Очень характерно, что руководство этой маленькой страны, ныне полностью ориентированной на Запад, хочет, чтобы и Православная Церковь в Эстонии управлялась именно с Запада, и в этом смысле Константинопольский Патриарх выступает как главный представитель и гарант «западного православия». Впрочем, ситуация с Эстонией, к сожалению, далеко не единственный пример церковно-политических разногласий Москвы и Константинополя.

В самое последнее время настоящим яблоком раздора стала Украина. Притязания Константинополя на свою юрисдикцию над этой страной, которые неуклюже обосновываются тем, что некогда именно из Константинополя управлялась Киевская митрополия, способны вызвать у здравомыслящих людей только недоумение. На этом фоне заявления Киевского лжепатриарха Филарета о

том, что раскол — это вполне нормальный и приемлемый способ решения церковно-политических разногласий и что именно путем раскола в 1448 году Русская Церковь добила автокефалии, только подливают масла в огонь. Все эти притязания и заявления можно было бы не воспринимать всерьез, если бы политическая власть на Украине открыто не провозгласила курс на создание единой автокефальной Церкви под омофором Константинопольского Патриарха. Доказательством тому являются события конца августа 2001 года, когда в Киеве торжественно отмечалось 950-летие основания Киево-Печерской Лавры. Глава поместной Элладской Церкви архиепископ Афинский Христодул, который привез в Киев главу апостола Андрея Первозванного, под нарочито несущественным предлогом не был принят президентом Кучмой, в то время как обыкновенному (по рангу) представителю Константинопольского Патриарха митрополиту Мелитону был устроен торжественный прием. Впрочем, украинскому президенту не откажешь в последовательности: было бы по меньшей мере странно, если бы после столь теплого приема, оказанного им Римскому папе, с которым Патриарх Варфоломей состоит в самых дружеских отношениях, президент Кучма вдруг так же тепло встретил бы непримиримого противника Иоанна Павла II архиепископа Христодула, который категорически протестовал против визита понтифика в Грецию.

Вся эта ситуация очень напоминает ту, которая сложилась 1000 лет назад в отношениях между Новым и Старым Римом, когда, опять-таки, одной из причин разделения, или, лучше сказать, одним из поводов к нему были территориальные споры.

Известно, что еще в 70-е годы XX столетия в Константинополе отработывалась идея переноса официальной резиденции Константинопольского Патриарха из Фанара на Запад, а именно, в Швейцарию, в местечко Шамбези, расположенное на живописном берегу Женевского озера, неподалеку от Женевы. Место опять-таки было выбрано неслучайно, поскольку именно в Женеве находится штаб-квартира Всемирного Совета Церквей. Там и была построена новая резиденция, которая имеет статус официального представительства Константинопольского Патриарха при ВСЦ. Интересно, что храм в Шамбези как бы олицетворяет собой идею западного православия, построен он по типу протестантских храмов, в виде обыкновенного зала собраний. Из элементов традиционной храмовой архитектуры там присутствует разве что алтарь.

Интересно и то, что Элладская Православная Церковь, которая объединяет греков, живущих в самой Греции, к политике Константинополя относится более чем сдержанно, подвергая зачастую Патриарха Варфоломея резкой критике. Тревогу, которую уже давно забили афонские монахи по поводу сомнительной церковной политики Константинополя последних десятилетий, разделяют теперь многие иерархи и простые верующие в самой Греции. «Православного папу» не хочет иметь никто: ни греки, ни русские, ни представители других православных народов. Поэтому теперь во внешней политике Московского Патриархата явственно намечилась тенденция к сближению именно с Элладской Церковью, которая в Москве фактически признана полномочным представителем «греческого православия». Это доказывает

недавний официальный визит архиепископа Афинского Христодула, Предстоятеля этой Церкви, который проходил на самом высоком уровне и явно выходил за рамки обыкновенных дружественных визитов.

РЫНОК... БОГОСЛОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Круг затронутых нами вопросов дает по крайней мере первое представление о том, с чем придется столкнуться студенту-богослову или священнику, если он отправится или будет отправлен на Запад для учебы или служения на приходе. В свете всего вышесказанного мы возвращаемся к вопросу, который уже неоднократно затрагивался на страницах нашего журнала, а именно, к вопросу о богословском образовании за рубежом.

Но прежде чем перейти к рассмотрению этой проблемы, мы должны вспомнить, что в России богословского образования, в строгом смысле слова, не существовало вплоть до конца XX века. Если не считать единичных попыток создания богословских институтов при советской власти, которые по известным причинам были обречены на провал, и если принять во внимание, что Богословский институт, открывшийся в Москве в 1943 году, по своим целям не отличался от Духовной школы, необходимо признать, что вплоть до начала 90-х годов XX века у нас было только духовное образование. При всей кажущейся условности этого различия при ближайшем рассмотрении оно оказывается вовсе не столь маловажным. Еще в 1814 году «Устав Духовных учебных заведений», который традиционно называют филаретовским, определял, что «никакое совершенство сочинения не должно доставить звания Доктора (богословия — *и. Е.*) тому, кто чистым и неукоризненным образом жизни не засвидетельствовал о себе высшего звания быть Учителем Христианским»¹. Главной целью «установления Духовных Академий» Устав называет «образование духовного юношества к высшим должностям»², то есть подготовку достойных кандидатов для занятия наиболее ответственных постов в структуре Церкви. Оба эти определения Устава как нельзя лучше обозначают существенные отличия духовного образования от собственно богословского.

Но в настоящее время мы сталкиваемся с такой ситуацией, что Духовные Академии существуют только в системе образования Русской Церкви. Отсюда сам собою напрашивается вопрос, какова дальнейшая судьба духовного образования. Каким будет место и роль Духовных Академий и Семинарий среди прочих высших богословских учебных заведений? Пока этот вопрос остается открытым.

В последнее десятилетие Духовные школы совершенно неожиданно для себя оказались в ситуации жесткой конкуренции, которая возникла на рынке богословского образования. Целый ряд высших богословских учебных заведений заявил в последнее время о себе как о значительной силе, с которой необходимо считаться.

¹ Устав Духовных учебных заведений. Спб., 1821. Ч. II. С. 40.

² Там же. Ч. I. С. 12.

*Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II
и Блаженнейший Архиепископ Афинский
и всея Эллады Христодул*

Таким образом, в начале XXI века перед духовным образованием стоит важная задача — определить свое место в системе богословского образования, как российского, так и международного, не утрачивая своей самобытности и не впадая в крайности изоляционизма. Эту задачу выполнить нелегко, особенно учитывая характер Духовной школы как закрытого учебного заведения и требования известной открытости, которое предъявляется на любом рынке к его участнику. Думается, что суть решения данной проблемы заключается в переносе акцента с закрытости внешней, понимаемой как изолированность учащихся от воздействий греховного мира, на закрытость внутреннюю как на неприятие всех тех греховных явлений, которые окружают человека в миру, и выработку навыка твердого сопротивления им.

Очевидно также, что необходимо более четко обозначить различие между Семинарией и Академией. В Семинарии, безусловно, главное внимание должно уделяться духовно-нравственному воспитанию и формированию студента, именно здесь должен закладываться фундамент личности будущего служителя Церкви. Но если человек за годы обучения в Семинарии не приобрел того, что мы разумеем под понятием *церковность*, то вряд ли можно ожидать от него этого в Академии. Поэтому в Академии приоритет должен отдаваться занятиям богословскими науками и подготовке серьезных кандидатских сочинений.

Исходя из этого, нужно формировать и отношение к образовательным поездкам за рубеж. В заграничные поездки можно направлять студентов старших курсов Академии, чтобы они собирали материал для своих кандидатских диссертаций, или молодых преподавателей для повышения квалификации, то есть уже сформиро-

вавшихся личностей, определивших свои богословские и научные интересы. Не нужно создавать излишнего напряжения вокруг этих поездок: как только они станут обычным и само собою разумеющимся явлением, лишние вопросы отпадут сами собой.

Размышляя о том, стоит ли продолжать богословское образование на Западе, мы часто упускаем из виду, что студенты российских Семинарий и Академий получают духовное образование, по сути дела, в условиях такой жизни, которая принципиально ничем не отличается от западной. Иными словами — как ни прискорбно это осознавать — мы, находясь в Сергиевом Посаде, а уж тем более в Петербурге или Киеве, уже давно на Западе.

Справедливость этого печального факта доказывает то, насколько сильно у определенной части наших студентов, особенно ни разу не выезжавших за рубеж, распространены иллюзии относительно жизни в западных странах. Подчас в студенческой среде бытуют самые расхожие, по сути примитивные представления о жизни на Западе, которые, образно говоря, можно выразить одной фразой: у нас все плохо, а у них все хорошо. Не ставя перед собой задачи доказать обратное, попытаемся объективно рассмотреть круг проблем, принципиально отличающихся «у нас» и «у них».

Жизнь студента Духовных школ, как известно, тяжела, и тяготы эти носят, как правило, материальный характер и всем хорошо известны: спартанские условия быта, низкий уровень материального обеспечения учебного процесса, некачественное питание в ряде школ и так далее. Список проблем можно продолжить. Но речь сейчас о другом.

Немногие из студентов догадываются, что у нас, оказывается, есть такие преимущества, о которых православный человек на Западе может только мечтать. Это, например, возможность ходить сколь угодно часто на богослужения, регулярно исповедоваться и причащаться, даже просто общаться с единомышленниками на родном языке — это та часто незамечаемая, но совершенно необходимая для верующего человека жизненная среда, лишившись которой, он начинает испытывать серьезные проблемы внутреннего характера. Опять-таки, только в сравнении можно понять всю глубину такого явления как «московское благочестие» с его продолжительными уставными богослужениями, обязательной исповедью перед причащением и строгим соблюдением постов.

Итак, налицо справедливость известного изречения, что все познается в сравнении, поэтому, чтобы студенты действительно могли сознательно и свободно оценивать и сравнивать уровень образования «здесь» и «там», они должны иметь потенциальную возможность совершить образовательную поездку за рубеж. И даже если этой возможностью воспользуется не каждый студент, сам факт того, что возможность открыта для всех, кто хочет учиться и кто владеет иностранными языками, уже очень важен.

Делая такой вывод, который кому-то может показаться излишне оригинальным, мы в действительности абсолютно не оригинальны. Практика учебных, образовательных поездок за рубеж была совершенно естествен-

ной и нормальной до революции. Но нужно не только создавать возможности для выезда за рубеж — не менее важно создать необходимые условия для возвращения студентов. Иными словами, нужно стремиться к целевым поездкам, то есть направлять студента по возможности в те университеты, где интересующая его наука преподается на высоком уровне.

Академия, направляющая студента за границу, сама должна быть заинтересована в этих поездках, поскольку логичным их завершением должно стать возвращение в Alma mater квалифицированного специалиста, который сможет на высоком уровне преподавать здесь свой предмет. Заинтересованность Академии должна проявляться в том числе и в материальной поддержке студента или, по крайней мере, в содействии ему в поиске стипендии.

Наверное, нельзя полностью исключить случаев, когда некоторые студенты, посланные для учебы за рубеж на время, остаются там навсегда. Но честно говоря, Церковь от этого вряд ли много потеряет. Если человек, имеющий все возможности и перспективы продолжать свое служение Церкви и Духовной школе на Родине, все-таки остается на Западе, тем самым он — может быть, еще не осознавая того, — выносит себе приговор. Он просто показывает свое подлинное лицо, которое не проявилось по тем или иным причинам в своем истинном свете в годы учебы в Семинарии. Такие люди — их еще называют перебежчиками — не стоят того, чтобы о них сильно жалеть.

***

Экуменизм, который был, наверное, самым значительным явлением в области межцерковных отношений XX века и который, как казалось многим, открывал принципиально новые горизонты и перспективы их развития, оказался в результате очередным миражом в духовной пустыне современного мира. Мощный всплеск и бурное развитие экуменического движения в середине XX века и его резкий спад в конце столетия показали, что поиск путей компромисса между Православием и инославием закончился фактически ничем. Потенциал серьезного богословского диалога практически исчерпан, и в утешение здесь можно привести лишь известную фразу, что отрицательный результат — это тоже результат. Впрочем, нет худа без добра: активная полемика с инославием дала толчок к развитию экклесиологии, сделав ее основным, магистральным направлением современного богословия.

Тем самым в XXI веке приоритетной для Православия становится задача укрепления внутривославного единства, а для православного богословия на первый план выступает поиск путей противостояния западной идеологии и тенденциям ее проникновения в православное сознание. Это необходимо учитывать при выработке направления развития отечественного духовного образования, которое призвано стать во главе богословского образования и засвидетельствовать обезумевшему в своем безверии миру непреходящие ценности евангельского благовестия.